

Леонид Моряков

100 МИНИАТЮР

Минск
2002

Часть первая

РОД

ВЕЛИКОМОРСКАЯ УЛИЦА

Леник шел с отцом по улице и тихонько, про себя, радовался. Наверное, глупо так вот просто улыбаться, но счастье, гордость и какое-то новое, впервые испытанное чувство переполняли его.

Соседи смотрели на них во все глаза, не моргая. А Леник гордо шагал мимо одной калитки, другой. Он уже большой — папке аж по плечо! Он все и всех понимает. Только не этих, которые, как по команде, выстроились и почти кланялись им:

— Здравствуйте, здравствуйте, с возвращеньцем!..

— Вот мать и дождалась!..

— И сынок, посмотрите, как вырос!..

— А вы, Владимир Дмитриевич, молодцом, молодцом...

— Добрый день, — слышалось в ответ.

“Да, папка — молодец, а вы? — думал рано повзрослевший Леник. — Где были вы, когда травили папку? Когда били папку? Когда увозили папку? Где были вы, когда арестовывали деда, который построил на этой улице первый дом, вызвал с Дальнего Востока своих однополчан, ваших дедов? Поче-

му они грудью стояли друг за друга, сражаясь с японскими самураями, а вы — испугались какого-то черного воронка? Почему не перевернули его, не сожгли, не прогнали приехавших в нем ночных шакалов? Почему, как крысы, забились по норам и, дрожа, затаив дыхание, тянули до последнего — пока главный шакал не подойдет? Что видели вы в своей подвальной жизни? А папка видел Ад! Он его уже видел, а у вас еще все впереди...”

— Здравствуйте, здравствуйте, с возвращением...

Леник с папкой проходили мимо очередной калитки...

РАЗ—ДВА...

Память, как и гены, не обманешь.

Пионерский лагерь.

Лето, утро, солнце, СССР.

Мама. Слезы прощания. Пакетик с едой, рюкзак с вещами. Наказы: слушаться воспитателей, ни шагу из лагеря, в тихий час спать, хорошо есть, дышать свежим воздухом.

Автобус. Дорога. Песня: “Как хорошо в стране советской жить...”. Весело. Знакомство. Приезд.

Расселение. Команда: по вагонам (палаткам, домикам)! Выделение койко-места. Знакомство с распорядком, с территорией. Не заходить за флажки.

Сбор. Первая переключка-линейка. Трибуна. Старшая пионервожатая. Напутствие: вперед, к победе коммунизма! Гимн: “За детство счастливое наше спасибо, родная страна”. Хором.

Обед.

В столовую — шагом марш! Речевку — запевай!

Кто шагает дружно в ряд?

Раз-два, раз-два!

Пионерский наш отряд!

Раз-два, раз-два!

Наизусть. Повторить. Три раза.
Пришли. Едим. Наконец-то!
Из столовой — шагом марш! Речевку — запе-
вай!

*Кто шагает дружно в ногу?
Раз-два, раз-два!
Уступите нам дорогу!
Раз-два, раз-два!*

Наизусть. Повторить. Три раза.
По вагонам: отбой, тихий час, шепот, смешки,
анекдоты, планы.

Подъем. Полдник-кефир. Туалет. Бегом. Успел.
Физрук. Соревнования: легкая атлетика, “Зарни-
ца”, поход, костер. В здоровом теле — здоровый
дух.

Почетные грамоты победителям.

Купание — счастье.

Ужин. Наконец-то!

Вечерняя переключка-линейка. Трибуна. Старшая
пионервожатая. Напутствие: вперед, к победе комму-
низма. Гимн: “За детство счастливое наше спасибо,
родная страна”. Хором.

Сумерки. Танцы. Девчонки. Отбой. Нет, побег.
Ночное гуляние. Вино. Первый поцелуй. Треуголь-
ник. Драка. Наказание.

Пионерский лагерь.

Память, как и гены, не обманешь.

Лето, утро, солнце, СССР.

НЕ ТО ЧИТАЛ...

Кажется, хорошо учился, не был хулиганом, марки собирал, фотоделом увлекался, шайбу во дворе до темноты гонял, стихи посвящал девчонкам, много-много читал, особенно фантастики, а в пионеры принимали одним из последних...

Может, не то читал?

ШАНС

Он стоял на мосту. Слева — церковь. В ней крестили мать, братьев, сына.

Он уже давно все решил. Приговорил себя. Чем он, измученный калека, может помочь сыну? Скорее — наоборот: пока он жив, у сына будут одни неприятности. И чем старше будет сын, тем чаще ему будут тыкать в лицо, кто его отец. Нет, он должен умереть, не мешать сыну. Здесь, где прошло детство, и закончится его жизненный путь. Он освободит сына от тяжелого груза...

Он стоял на мосту. Слева — церковь. В ней крестили мать, братьев, сына.

И он прыгнул...

Выжить у отца шансов не было. Не было у него сил, не осталось. Да он и не хотел: его нет — и проблем нет.

Шанс выжить был только у меня, его сына.

СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

...после смерти отца сын напишет:

“Папа, почему ты не подумал обо мне? Зачем убил себя? Если бы ты знал, как все эти годы мне было тяжело без тебя, без твоего плеча, без твоего доброго поддерживающего слова. Без твоей любви, заботы, помощи. Сколько раз я чувствовал дыхание смерти за спиной. Сколько раз искал ее сам. И только боязнь, что и твой внук когда-нибудь произнесет: “Папа, почему ты не подумал обо мне? Зачем убил себя?” — останавливала меня...”

КАКОЙ Я?

По *Nietzsche*, образованный человек — это тот, кто контролирует себя.

Я только и делал, что контролировал себя: когда учился в школе, в институте, когда работал в АН БССР, занимался бизнесом в разных частях света. Но я не контролирую себя, когда отдыхаю, наслаждаюсь, люблю.

Какой я человек?

Я НЕНАВИЖУ!

Я ненавижу тех, для кого нет ничего святого. Например, того доктора изящных наук, который требует доллары за редактирование моей статьи, написанной к 90-летию расстрелянного в 1937-м двадцативосьмилетнего белорусского поэта. Тридцать минут своей работы он оценил в тридцать долларов (моя полуторамесячная зарплата). Почему я не требую компенсации за месяцы поисков в библиотеках и архивах? Ведь пока собирались материалы о расстрелянном, пока писалась статья, я ни копейки не заработал на семью, и, чтобы прокормиться, пришлось продавать личные вещи.

Я ненавижу серых, обычных, выживающих все своей задницей хорьков. Большинство из них — это так называемые простые люди, народ. Но тогда получается нечто страшное: “Я ненавижу свой народ”?!.

Я ненавижу мужчин (точнее было бы назвать их особями мужского пола), которые ездят с работы и на работу в общественном транспорте. “Если ты даже к пятому десятку не смог купить машину, убей себя, но не позорь высокое имя мужчины”, — думал я, стоя на последней ступеньке утреннего автобуса-

ДУША И ТЕЛО

Мне — сорок. Телу — шестьдесят, душе — двадцать. Почему так? Откуда этот разрыв? Почему тело сдает, уступает одну позицию за другой, а душа лишь набирает обороты? Крепнет, захватывает, побеждает?

Почему? Почему? Почему?

Вопросы...

Я хочу знать ответы! Я хочу знать! Я требую! Имею право! У меня одно тело, одна душа, одна жизнь!

Сумасшедший! Чего я кричу-горлопаню? Обманываюсь, надеюсь, путаю? Я же знаю, в чем дело. Знаю!

Я жил телом, а душу старался оберечь, не напрягать, и она частенько спала, отдыхала. А тело — мчалось вразнос, разрывалось на части, задыхалось в беспределе. Тело я предал, бросил на произвол судьбы, наплевал на него и теперь пожиная плоды.

Мне — сорок.

Есть душа, но нет тела, покоя, жизни.

Тело взлетело, погибло, исчезло.

Исчез я.

Мне — сорок. Сейчас, завтра, всегда, вечно.

ВОЛНЕНИЕ

Часто говорят: “Не волнуйтесь, берегите здоровье”.
Легко сказать!

Об этой человеческой слабости — о волнении — написано, возможно, больше, чем о любви. Сколько оно изувечило судеб, перевернуло жизней! Скольких загнало в могилу! Уничтожило, истребило. Не зря волнение — среднего рода. Оно — животное. Как животное, оно и не разбирает, кого сводить в могилу, кого миловать. И никуда от него не деться. Волнение присуще человеку, вместе с ним рождается, живет и умирает. Оно — часть его.

И сейчас я волнуюсь. За детей, за будущее, за страну. Я волнуюсь, значит — живу, значит, я — человек. Но человек слаб. Волнение рано или поздно сведет меня в могилу. И нет этому альтернативы. Но не волноваться не могу.

Я — человек!

РЕКЛАМА

“Летайте самолетами Аэрофлота!”

Я сажусь в самолет, понимая, что не имею сто-процентного шанса вернуться на землю. Выбрав этот вид передвижения, я рискую значительно больше, чем если бы поехал, к примеру, поездом. Но я лечу: желание оказаться там, где нужно, как можно скорее заставляет меня рисковать. И я играю со смертью. В первый раз смерть, скажем, проиграла. Но — какой ценой! У нее одним шансом стало больше. И с каждым новым полетом риск увеличивается. И когда-нибудь я исчерпаю лимит. И не обязательно в самолете. Каждый шаг человека есть риск, движение в темноте, игра со смертью. Мы только думаем, будто знаем, что нас ждет, а всё — не так. Мы всегда рискуем, стоим на краю пропасти. Мы не знаем своего часа, но когда-нибудь шанс не упасть окажется равным нулю. И тогда...

“Летайте самолетами Аэрофлота!”

ПРЕДЕЛ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Предела своих возможностей не знает никто.

На исходе трети сутки за рулем. Пройдена четвертая тысяча километров. Без отдыха. Заправка ночью у дальнобойщиков: кругом — шакалы.

Он сражался. Долго. Но устал, сдался, заснул, — погиб. Осталась тень. Когда он чувствует, что исчезает, то оборачивается, видит на заднем сидении еще две маленькие тени — мальчика и девочки — и оживает. Снова, в сотый раз.

Нет предела!

Предела своих возможностей не знает никто.

МОСКВА

Мой дядя по материнской линии родился в глухой полесской деревушке под Гомелем. С золотой медалью окончил школу. С отличием — институт народного хозяйства. Дальше была работа: заведующий плановым отделом, заместитель генерального директора по экономике. Приглашение в Москву, Совмин, избрание в ЦК...

До пенсии дядя Толя не дожил: съели новые партийные друзья-завистники.

Жена пережила его на год.

А познакомились они в Москве, в Доме правительства. Что удивительно: она тоже родилась в Беларуси (где-то под Оршей) и поднялась по схожей лесенке: с одной четверкой окончила сельскую школу, через пять лет получила университетский “красный” диплом, потом — недолгая работа в министерстве образования и неожиданное приглашение в Москву...

Теперь слова “дорогая моя столица...” из известной песни я понимаю по-своему...

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ

До двух лет меня звали Александром — так хотела назвать и так записала меня мама. Но потом отец все же настоял на своем, и я стал Леонидом — в честь дяди, отцова брата.

Я прожил сорок три года и не знаю, пошло переименование мне во благо или во вред, но то, что задумался об этом, и есть, как мне кажется, первая подсказка в поиске ответа.

ИНКВИЗИЦИЯ

Я никогда не прощу *им* мучительной смерти великого Джордано Бруно, как и гибели той канувшей в бездну времени черноглазой красавицы-колдуньи, которой они располосовали железом чуткие молодые груди, раскаленными клещами изувечили нежные руки и стройные ноги, плетью расписали гибкую спину, чтобы в конце концов сжечь на костре.

Я никогда не прощу *им* расстрела моего дяди, любимого ученика *Янки Купалы*, поэта *Валерья Маракова*. Рано или поздно, в этой или в той жизни, но отыщу палачей.

Ждите, гниды! Дрожите! И не вздумайте подойти до моего прихода!

С костров начинали, на них и закончите!

“И СОРОКА ПЯТИ ЛЕТ ЗА ГЛАЗА ХВАТИТ...”

У милой доброй моей бабушки было пятеро детей: две девочки и трое мальчишек.

Красивые, в нее, в бабушку, малышки умерли в детстве от дизентерии.

Сыновья...

Старшего расстреляли в двадцать восемь.

Среднего убили из-за угла в спину в двадцать девять.

Младший погиб в сорок четыре.

В юности, когда я лежал при смерти в Гомельском тубдиспансере, ненароком услышал приговор главврача:

— А пункцию-то зря взяли, теперь после сорока пяти он — не жилец...

Впрочем, писатель Михаил Веллер в рассказе “Гуру” счел, что некоторым “и сорока пяти лет за глаза хватит...”

У меня осталось около двух лет. В принципе — это немало.

Главное, чтобы не арестовали, как деда в тридцать пятом.

Чтобы не расстреляли, как его старшего сына, моего дядю, поэта *Валерия Маракова* в тридцать седьмом.

Чтобы не убили, как его среднего сына, моего другого дядю, учителя *Леонида Маракова* в сорок третьем.

Чтобы не залила после избиения мозги кровь, как у его младшего сына, моего отца...

И тогда все задуманное я успею воплотить в жизнь.

Боже, дай мне два года!

СЛАБОСТЬ

Я — слаб. Созданный из советского генетического материала, запуганный школой, коммунаками, ментами, неизвестностью, судьбою. Я слаб, очень слаб.

Я — один.

Но я — человек!

И потому я рискую, пишу, возвращаю из тьмы исторической несправедливости вычеркнутые нелюдями имена.

Почему черно-серый кардинал *Пятро Глебка* стоит во весь рост на престижном Московском кладбище, а прозаик с задатками гения *Лукаш Калюга* расстрелян на взлете и погребен в одной из ям-могильников людоедки Сибири? Сотни, тысячи безымянных могил! Между тем на проспекте Ф.Скорины, почти напротив бывшего кафе “Весна” (так назывался и первый рассказ *Лукаша Калюги* — рок!), на месте которого в тридцатые годы находился Дом писателей, в желто-сером здании (где уничтожали этих писателей — снова рок!) служат люди, которым стоит мизинцем шевельнуть, и — мы узнаем, где лежат классик белорусской литературы *Максім*

Гарэцкі, географ Мікалай Азбукін, академики Язэп Лёсік и Вацлаў Ластоўскі, редактор “Нашай Нівы” Аляксандр Уласаў, зачинатель белорусской литературной критики Адам Бабарэка, краевед Мікалай Каспяровіч, поэты Сяргей Фамін, Уладзімір Хадыка, Сяргей Дарожны, Мікалай Гваздоў, Сяргей Ракіта, Янка Туміловіч, Сяргей Астрэйка, драматург Васіль Шашалевіч и его брат сатирик Андрэй Шашалевіч (А.Мрый), прозаики Сымон Баранавых и Барыс Мікуліч, языковед Язэп Воўк-Левановіч, один из организаторов и руководителей Слуцкого восстания Павел Жаўрыд, священник и публицист Адам Станкевіч, журналисты Радыён Шукевіч-Траццякоў и Сяргей Знаёмы, правовед Рыгор Парэчын, врач и литератор Павел Каравайчык, сотни других невинно убиенных. Где в Минске закопаны двадцать белорусских литераторов, расстрелянных в “американке” в ночь с 28 на 29 октября 1937 года? Двадцать за одну ночь! Где?

И был же шанс узнать. Еще вчера. В начале 1990-х. Упустили. Наплевали на историю! Все время плюем на историю! Не желаем ее знать. Не хотим укрепить фундамент, на котором стоим. Стоим, не дергаемся, не шевелимся, молчим. Стоим в болоте и молчим. Молчим и уходим в землю. Болото засасывает. Медленно, незаметно. Все глубже вбирает в себя. Десять миллионов. Как тогда тех двадцать литераторов...

История повторяется.

МОЖЕТ БЫТЬ, ПОРА?

Мысль искать спасение на бескрайних просторах земли возникла не сразу. Дед знал, что такое война (хватил русско-японской), но вот так взять все бросить и уехать, начать жизнь сначала — не решился. Решилась бабушка. Убаюкав двухлетнего Леника, взяла за руку шестилетнего Валерку, сказала:

— Дмитрий, знаю, что не открою великой истины, но ведь так оно и есть: главное — сберечь детей, они — наше будущее...

В тот, 1915 год уехала каждая вторая белорусская семья. Вернулась — каждая третья...

Они вернулись спустя два года. На свою голову. Угодили в кровавую мясорубку, пожирившую красных, белых и прочих, жаждущих ими править, владеть их землями, пользоваться их трудом. Слава Богу, выжили. Наступило затишье. Но окончилось оно быстро и не сказать чтобы неожиданно: дед получил пять (а вышло — тринадцать) лет каторжных работ; трех его сыновей (самый младший, Владимир, родился как раз во время затишья) кого раньше, а кого позже, уничтожили. Но не извели под корень — не успели: в семье младшего (как раз

в хрущевскую оттепель, когда людей уже не стреляли) родился я. Потом брежневская “благодать”: дешевая колбаса, батоны, водка “Московская” — главное, работай. Дальше — перестройка, реформы: копай, хватай, действуй. А вылилось все в нынешний маразм, беспредел, загнивание, медленную смерть...

Может быть, снова пора спасаться в бескрайних просторах?

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Серость, серость, серость... Снова, повсюду, сплошь и рядом. Эти люди проживают чужую жизнь, присвоили чужое благосостояние, взяли от общества много больше, чем заслужили и чего достойны. Таланты гниют в нищете, а серость заняла их места и жирует.

Главная задача Москвы относительно Беларуси: заставить нас прожить чужую жизнь. Достойной жизнью живут ею засланные или прирученные серости.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Воры хуже убийц. С убийцей все ясно — это патологический тип, урод, подлежащий уничтожению.

Вор — садист. Он отнимает у вас жизнь безболезненно, иногда — по кусочкам. Два года вы копили жене на пальто. Недоедали, экономили на электричестве — слепили глаза, не ездили в отпуск, не вспоминали о театре... А он украл кошелек, в котором лежали бумажки стоимостью в два года вашей жизни. Жена снова встретит зиму в осенней курточке и на месяц сляжет с воспалением легких. Дети, приученные заниматься с мамой, отстанут в учебе. Увезет “скорая” получившую инфаркт от переживаний за них бабушку. Вот такая произойдет цепная реакция...

И потому я говорю: воры — хуже убийц.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Я знаю, счетчик включен, тает моя шагреневая кожа. Мгновения сливаются в минуты, часы собираются в дни, и осталось их немного...

Судьба отмерила мне времени в обрез, без запаса, без лишней секунды!

— Времени хватит, но соблюдай условия, — схватила она, судьба, меня за горло. — Брось все, следуй за мной, действуй только по моему приказу.

Я — человек. Я из мира обычных, простых, нашенских, рабов. И я поверил, пошел за нею, погнался и... все равно опоздал. Не сделал главного: не отомстил убийцам предков. Над временем и судьба оказалась не властна. Пока вела меня по жизни, убийцы из нее ушли.

И теперь я — обманут! Предки ушли *туда* неотмщенными, а иуды избежали возмездия. Я не вернул истории правду. Упустил шанс, опоздал, не успел. Тает моя шагреневая кожа, тает. Скоро конец, конец борьбе...

Нет! Не конец! Терять уже нечего, и я — свободен! Я — не раб! Я не сломался! Я больше не побегу

за судьбой! Пойду ей навстречу, наперекор. Дам ей бой у последней черты!

Она не вправе водить людей за нос! Обещать невыполнимое, сулить надежду, когда ее нет.

Я буду драться с ней до конца!

Я перешагну черту! Верну время и силы!

Вперед!

